

— Э... Су Чжэнь...

Су Чжэнь стоял, совершенно неподвижный.

— В тот день я не пошел с ассистентом режиссера пить...

Су Чжэнь не реагировал.

Жун Фэй не знал, как продолжать объяснять. Пошел он или нет на гулянку, для Су Чжэня это было неважно.

А если бы это был прежний Жун Фэй, дублер? Су Чжэнь внимательно бы слушал его объяснение? Может, похлопал бы по плечу и сказал: «Ничего, я верю тебе»?

Жун Фэй с грустью завидовал своему прошлому «я».

Именно в этот момент лифт дрогнул. Оба ухватились за стены, пока лифт не остановился.

Наступила темнота.

Через пару секунд Жун Фэй понял, что лифт сломался, и они застряли.

— Су Чжэнь? Ты здесь? — Жун Фэй инстинктивно потянулся к человеку рядом, но тот отмахнулся.

Он не стал обращать внимания, достал телефон, включил фонарик и нажал кнопку аварийного вызова. Охрана уже спешила.

Жун Фэй посмотрел в сторону Су Чжэня. В слабом свете фонарика он увидел, что тот плотно прижался к стене, обхватив себя руками. Жун Фэй не видел его лица, но интуиция подсказывала, что с Су Чжэнем что-то не так.

— Су Чжэнь... с тобой все в порядке? — Жун Фэй шагнул вперед, собираясь коснуться его плеча, но холодный голос заставил его замереть.

— Не трогай меня.

— Ладно, я не буду трогать, но скажи, что с тобой?

— Все нормально. — Су Чжэнь отвечал на все вопросы Жун Фэя максимально кратко.

— Но ты выглядишь не очень хорошо.

— Ты можешь просто заткнуться? — Голос Су Чжэня стал еще холоднее.

Жун Фэй сдался и закрыл рот, прислонившись к стене рядом с Су Чжэнем. Он вдруг подумал, а вдруг у Су Чжэня клаустрофобия? Но нет, люди с такой фобией обычно боятся даже заходить в лифт, а Су Чжэнь всегда спокойно ездил на лифте.

В это время охрана уже подошла, они кричали через дверь лифта:

— Все живы? Кто там застрял?

— Я, Жун Фэй! И Су Чжэнь!

— Лифт сломался, постарайтесь сохранять спокойствие, мы постараемся починить!

— Хорошо! Понял!

Жун Фэй вдруг заметил, что Су Чжэнь больше не произнес ни слова. Привыкнув к темноте, можно было разглядеть многое, включая напряженное тело Су Чжэня. Чего он боялся?

— Ты... когда-то застревал в лифте? — тихо спросил Жун Фэй.

Су Чжэнь не ответил.

— Или ты боишься темноты? — Жун Фэй усмехнулся, конечно, он не думал, что такой совершенный человек, как Су Чжэнь, может бояться темноты, как ребенок.

Су Чжэнь по-прежнему молчал, но Жун Фэй почувствовал, что попал в точку.

— В детстве я очень боялся темноты, потому что, когда выключали свет, тени деревьев за окном отражались на стене, как будто это были страшные монстры. Я всегда накрывал глаза одеялом, чтобы не видеть эти тени. А ты? Ты тоже спишь с включенным светом?

— Заткнись.

— Однажды в детстве мы играли в прятки с друзьями, и я спрятался в шкафу. Ждал, ждал, надеясь, что кто-то меня найдет. Ждал так долго, что заснул. Но оказалось, что друзья забыли обо мне. Когда я проснулся, вокруг была полная темнота, я даже не понимал, где нахожусь. Этот страх неизвестности я помню до сих пор.

— Я не хочу тебя слушать.

— Я изо всех сил толкал дверь шкафа, но она была заперта. Я стучал, надеясь, что кто-то услышит. Но в доме никого не было, это было во время празднования Нового года, дети все ушли на улицу запускать фейерверки, взрослые играли в маджонг, а звуки петард заглушали мои удары в дверь. Я был один.

Су Чжэнь вздохнул, опустил голову, позволяя Жун Фэю продолжать.

— Мне было очень страшно, и чтобы не бояться, я начал думать о чем-то другом. Я представлял, как мы с ребятами запускаем фейерверки, как вкусен был обед с жареными рисовыми лепешками, как мои родители волновались, когда не могли меня найти. И тогда мне становилось не так страшно. — Жун Фэй повернулся к Су Чжэню. — У тебя есть что-то радостное, о чем можно подумать?

— Нет.

— Если лифт будут чинить час или два, ты будешь все это время думать о том, что тебя пугает? — Жун Фэй протянул руку, чтобы коснуться Су Чжэня, но тот снова отмахнулся.

— Радость и страх всегда рядом, мы не можем их изменить. Но мы можем выбрать, о чем думать: о радостном или о том, что усиливает страх. — Жун Фэй подвинулся ближе к Су Чжэню, встал рядом с ним.

— Что ты считаешь радостью? Пьянство? Гонки? Девушки? Или содержание меня?

Жун Фэй проигнорировал сарказм Су Чжэня и продолжал спокойно:

— В детстве было весело ехать на школьном автобусе на экскурсию. Мы пели песни, учитель отбивал такт, в рюкзаках лежали конфеты и закуски, солнечный свет лился через окна, а над головой переплетались зеленые кроны деревьев, как арка. Ветер задувал внутрь, раздувая платье учительницы. Девочка, в которую я был влюблен, сидела впереди, ее косички выглядывали из-за спинки сиденья, и я хотел их поймать...

В темноте, кроме голоса Жун Фэя, слышалось замедленное дыхание Су Чжэня, его напряженная спина постепенно расслаблялась.

— Когда автобус останавливался, мы выходили и устраивали пикник на траве. На кончиках травинок росли красные ягоды, их можно было положить в рот, и кисло-сладкий вкус распространялся от кончика языка до самого сердца.

Руки Су Чжэня больше не сжимали его так крепко, а медленно опустились.

— В ручье было много головастиков. Мы опускали в воду бутылки из-под воды и ловили их. — Жун Фэй толкнул Су Чжэня плечом. — Мне было весело. Видишь, радость — это не только пьянство, гонки, девушки и содержание тебя.

Су Чжэнь усмехнулся.

В этот момент сверху хлынул свет, и Жун Фэй инстинктивно прикрыл глаза.

Дверь лифта открылась, и ремонтники с охраной заглянули внутрь:

— Вы оба в порядке?

Жун Фэй только успел привыкнуть к свету, как Су Чжэнь вышел.

— Эй! Су Чжэнь! Ты в порядке? — Жун Фэй последовал за ним, но тот шел прямо, не оборачиваясь.

Жун Фэй уже собирался сдать, как Су Чжэнь вдруг развернулся, схватил его за воротник и прижал к стене:

— Су Чжэнь?

Су Чжэнь улыбнулся, его рука уперлась в стену рядом с головой Жун Фэя:

— Что? Хочешь, чтобы я поблагодарил тебя за ложь, которой ты меня утешал?

— Ложь?

Су Чжэнь приподнял бровь:

— Жун Фэй, кажется, в твоей семье никто не увлекается маджонгом? Как такое простое хобби могло попасть в дом Жунов?

— А...

— Твой отец отправил тебя в частную школу, ученики которой обычно ездят на экскурсии не на школьных автобусах, а на личных машинах.

Жун Фэй застыл. Все, что он рассказывал, было из его собственной жизни, а не из жизни Жун

Фэя. Для Су Чжэня все это было ложью.

Су Чжэнь приблизил лицо к Жун Фэю, заставляя его сглотнуть. Его дыхание, его взгляд были так близко.

— Но все равно спасибо, Жун Фэй. Не думал, что такой, как ты, будет лгать ради другого. Я, конечно, не стану твоим содержанцем, но если ты промотаешь все состояние Жунов, я не против буду содержать тебя. — Сказав это, Су Чжэнь отпустил Жун Фэя и ушел.

Давление исчезло, и Жун Фэй наконец смог нормально дышать.

Спина Су Чжэня казалась недостижимой вершиной.

Путь к его признанию был еще долгим.

Прошло полмесяца. Сцены из юности Чэнь Цяньфэна и Сун Няньнянь были сняты, и наконец настала очередь Жун Фэя. Он нервничал, придя на съемочную площадку. Первая сцена была проста: он стоял на кухне, жарил яйцо, и тут ему звонит Сун Няньнянь. От волнения он роняет лопатку.

Фан Датун с беспокойством подошел к нему:

— Эй, Жун Фэй... ты вообще умеешь жарить яйца?

В конце концов, Жун Фэй был избалованным парнем, который никогда в жизни не готовил, даже воду не кипятил.

Жун Фэй усмехнулся:

— Не волнуйся, я неплохо жарю яйца. Когда закончим, угощу тебя.

<http://bllate.org/book/16664/1527718>